

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

♦ «О ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ» — так называется тема доклада, с которым выступит ЗАВТРА вечером в Оргкомитете Н. Н. АСЕЕВ.

Доклад Н. Асеева устраивается Оргкомитетом в порядке подготовки к предстоящему в ближайшие дни в Москве всесоюзному поэтическому собранию.

♦ УФА. (По телеграфу). 5 июня исполняется 25-летний юбилей литературной деятельности башкирского писателя коммуниста-подпольщика АФАЗАЛА ТАГИРОВА. Обкомом партии создана юбилейная комиссия под председательством башкаркомпрова Абубакирова.

ДОРОГОЙ АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ!

ВМЕСТЕ С ВАМИ СКОРБИМ И ПЕРЕЖИВАЕМ ГОРЕ, ТАК НЕОЖИДАННО И ДИКО СВАЛИВШЕСЯ НА НАС ВСЕХ. ВЕРИМ, ЧТО ВАШ НЕСКОРУХИМЫЙ ГОРЬКОВСКИЙ ДУХ И ВЕЛИКАЯ ВОЛЯ ПОВОРОЮТ ЭТО ТЯЖЕЛОЕ ИСПЫТАНИЕ.

ВЫРАЖАЕМ СВОЕ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ НАДЕЖДЕ АЛЕКСЕЕВНЕ.

И. СТАЛИН, В. МОЛОТОВ, К. ВОРОШИЛОВ, С. ОРДЖОНИКИДЗЕ, М. КАЛИНИН, В. КУЙБЫШЕВ, А. МИКОЯН, А. Жданов.

Дневник

Литературной газеты

12 Постановление ЦИК СССР о награждении на- чальников полиграфов и директоров МТП и союзных одноден Ленина

с предельной отчетливостью ставит вопрос о тематическом задании, стоящем перед нашей литературой.

Книжки, написанные нашими писателями о политиках, — бесспорные и в достаточной мере значительный почва. Но говорить о них можно только как о почве. Сделаны только первые шаги по пути творческого отображения героической работы, которую ведут во всех концах нашей страны лучшие люди партии по перестройке сельского хозяйства и формированию понятия социалистического человека.

Эта работа столь значительна, что глубоки пласти, какие приходится подыметь политикам, так неподобно все, что они делают, на то, что делалось в деревне тысячелетиями до них, что работа писателя разумеется, не должна в этой области ограничиваться белыми ознакомлениями с материалом.

Писатель должен участвовать в работе политиков, и организация политических газет — лучшая пропаганда для того, чтобы это участие было деловым и конкретным. Только в результате участия писателей в борьбе за социалистическое сельское хозяйство могут появляться у нас книжки, с достоверной и правильностью отображающие дела, совершающиеся в деревне людьми, посланными туда партией.

Их сто пятьдесят семи человек — работники социалистического сельского хозяйства, награжденные орденами. Работа каждого из них — тема для книги. Нужно стремиться к тому, чтобы качество этих книг соответствовало качеству работы людей, о которых они будут написаны. А уровень этот очень высок. Он измеряется одноден Ленина.

Внимание советской литературной общественности в последние дни невольно привлечено и «девяткой» МТП и Бродье. Мы говорим: невольно, так как никому из советских литераторов эти нечестолюбивые истории «головоломства» не доставляют. Наборот, они вызывают среди советских писателей справедливое возмущение, чувство гадливости и стремление до конца разоблачить «девяток» типа Бродье и подел, способствовавших его процветанию. Стремление возможно быстрее и на всегда очистить литературную среду от случайно проявившихся лесей людей.

Люди эти действительно случились в среде советских писателей, они никак для нее не характерны. Поэтому абсолютно неправы те «сторожевые» товарищи, которые под предлогом «неудобства» и боязни скромничать перед всеми (?) советскими писателями, ратуют за то, чтобы не привлекать особого значения похвальных Бродье и К° и недобросовестной или пропагандистской практике некоторых редакторов и издателей. Тем более, что — говорят они — никаких уголовных преступлений «девятки» не совершили. Их действия, правда, мешающие и нечестолюбивые, но они под «статью» не подходит. Поэтому удачливых «девяток», которых постигла неудача, нужно просто, дескать, изолировать от советской литературы.

В этих рассуждениях неверно все от начала до конца. О «компрометации всех писателей» мы уже сказали выше. Что же касается «законности» раскрытий дел, то с каких это пор в нашей стране можно получать десятки тысяч рублей, не заработав их, получить не за то, что ты предлагаешь в качестве продукта своего труда, а за особые качества «блестящей»?

Разве не должны самим строгим образом отвечать те люди, которые захватили поговорку на заведомо негодные руконосы и даже платили повышенные гонорары за то, что он, Бродье, «все может»: и машину лопату, и бумажу устроить, и колесо получить? А те, кто по этим причинам винили Бродье в ревизионистской комиссии строительства писательского дома и в первую очередь предложили ему квартиру? Доподлинно этот человек не спрал от бюрократизма и волокиты! (На строительстве есть «пропват» не один Бродье: там был еще и некто Можаровский, с которым МТП в первые годы построил ему строительные способы также заключило договор. Способности же эти характеризуются тем,

Цена 20 коп.

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РОССИИ

№ 59 (375)

12 МАЯ 1934 ГОДА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Ф. ВАГРИЦКОГО, А. ВОЛОТНИКОВА, М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО, М. СУБОПКОГО И СЕРЕБРИНСКОГО, М. ЧАРНОГО, В. УГИЕВИЧ

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

Гастролирующий сейчас в Москве известный американский скрипач Е. ЦИМБАЛИСТ сегодня в четверг выступит перед массовой аудиторией рабочих московских заводов в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха, вмещающем 20000 спущенных людей.

11 мая после непродолжительной болезни скончался

Максим Алексеевич Пешков

Родители, жена и дети покойного извещают, что похороны состоятся 12 мая в 6 час. вечера на кладбище б. Ново-Девичьего монастыря.

ДОРОГОЙ АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ!

Извещение о смерти вашего сына потрясло всех нас. Ушел человек, посвятивший вам всего себя, широкий, жизнерадостный, сердечный. Советские писатели лично знали Максима, а многим из них он был и другом. Мы ясно представляем себе глубину этой утраты. Ваши силы, ваша жизнь, ваш гений принадлежат миллионам людей, которые с таким же глубоким горем примут это печальное известие. Нам хочется поддержать вас и уверить, что вы не однины в своем горе. Пусть оно не поколеблет ни чудесного мужества вашего, ни чудесной вашей борьбы.

11 мая 1934 г.

ВС. ИВАНОВ, А. ТОЛСТОЙ, И. БАБЕЛЬ, П. ПАВЛЕНКО, Н. ТИХОН, Л. МЕДВЕДЕВ, Н. АСЕЕВ, А. БОЛОТНИКОВ, К. ГОРБУНОВ, Л. СЕЙФУЛЛИНА, В. ЗАЗУБРИН, В. НИРПОТИН, Ф. ПАНФЕРОВ, В. ЛИДИН, А. БЕЗЫМЕНСКИЙ, П. ЮДИН, А. ФАДЕЕВ, С. СТАВСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, Ю. ТЫНЯНОВ, К. ФЕДИН, М. СЛОНИМСКИЙ, БРУНО ЯСЕНСКИЙ, О. ФОРШ, И. ГРУЗДЕВ.

Редакция и коллектив сотрудников «Литературной газеты» раздают глубокую скорбь А. М. Горького по поводу безвременной смерти его сына

МАКСИМА АЛЕКСЕЕВИЧА ПЕШКОВА

и выражают Алексею Максимовичу и семье покойного свое горячее, дружеское сочувствие.

ДЕКАДА ФРАНКО-СОВЕТСКОГО НАУЧНОГО СБЛИЖЕНИЯ

10 и 11 мая французские ученые посетили ряд научных институтов Москвы:

Центральный Аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), Институт прикладной минералогии, Всесоюзный теплотехнический институт, клиника Онкологического института, Наталого-анатомический институт и хирургические клиники проф. Герценса и Бурленко. Центральный институт труда, Московский энергетический институт, лаборатория Биохимического института им. Баха и Химико-физический институт им. Карнова и т. д. На этих докладах присутствовали сотни представителей московской научной общественности.

11 мая, в 2 ч. дня, у варкора прошествия РСФСР т. Бубнова состоялась заставка в честь французских ученых. Сегодня гости посетят Третьяковскую галерею и Большевиковскую коммуну, 12 и 14 мая — автозавод им. Сталина. Музей западной живописи и выставка «Наши достижения». 15 мая французские ученые посетят мавзолей и ознакомятся с музеями Кремля.

АНРИ БАРБЮС — ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ

Дорогие товарищи!

Из-за моего пребывания вне Парижа я, к сожалению, не могу своевременно передать вам дружеские пожелания, — и как собрат и как брат, — по случаю пятилетия «Литературной газеты». Я это делаю теперь от всего сердца и я хочу уверить вас в том, что никто не ценит роль, значение и успех этой газеты больше меня, потому что никто не знает ее лучше меня.

На литературном пути вся передовая часть советских писателей поняла, что можно целиком отнести лично к нему. Он умеет воодушевлять стальной отряд бойцов-революционеров огнем не преклонного революционного действия и неустанным учили их, как распознавать лицо классового врага, под каким бы флагом или маской он ни скрывался.

Вячеслав Рудольфович обладал почти энциклопедическими познаниями во многих областях науки. Он был всегда во вскоре и до последнего своего вздоха продолжал работать над пополнением и совершенствованием своих знаний.

Не стало Вячеслава Рудольфовича. Но остались и зорко стоят на своих боевых постах выкованные партией Сталина, сорганизованные Лазаревским и Менжинским кадры крепких большевиков-чекистов, беззаветных преданных пролетарской революции.

Горесть понесенной нами утраты ни на минуту не ослабит наши ряда, нашу волю и готовность к борьбе со всеми врагами пролетарской революции, со всеми врагами коммунизма.

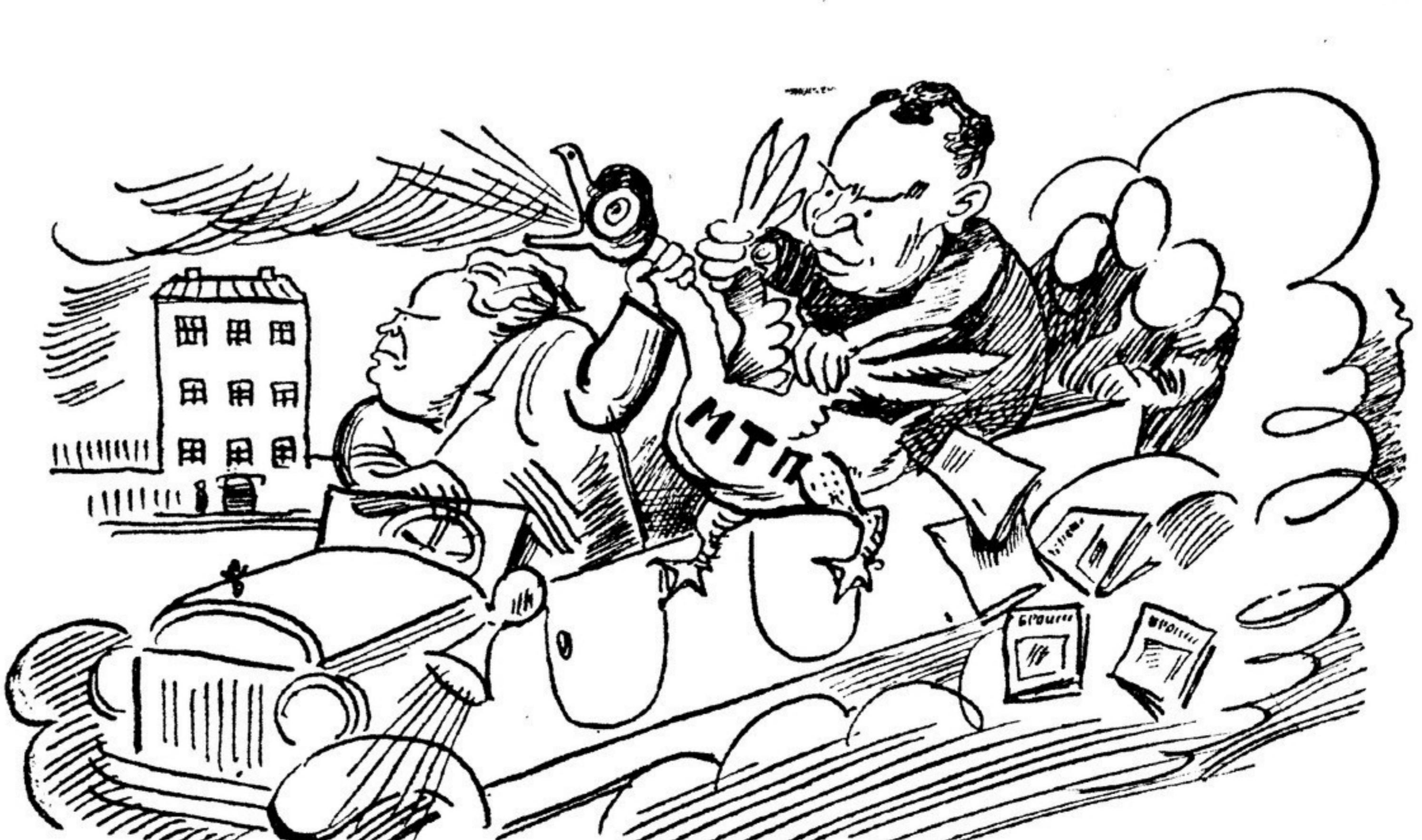
ЯГОДА, ПРОКОФЬЕВ, АГРАНОВ, БАЛИЦКИЙ, РЕДЕНС, ДЕРИБАС, ПИЛЯР, АРТУЗОВ, МЕДВЕДЬ, БОКИЙ, МИРОНОВ.

Редакцией получены приветствия: от председателя ЦК союза писателей т. МАГИДОВА, Оргкомитета союза писателей Средней Азии и ряда других организаций.

ПОСЛЕДНЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОСТАПА БЕНДЕРА

(Неопубликованная иллюстрация к «Золотому теленку»)

Рис. А. Радакова

ОСКАР БРОДЬЕ И ДРУГИЕ

ГОТОВЬТЕСЬ К ВСЕСОЮЗНОМУ ПОЭТИЧЕСКОМУ СОВЕЩАНИЮ

РАСПАД ГАРМОНИИ

У Антокольского есть не только свой голос, свой мир лирических образов,—у него есть своя большая тема, вносящая в его стихи если не четкий лирический сложок, то на каждой странице онущимое «сказное действие». Эта тема—судьба человеческой культуры, человеческого творчества. Эта тема связывает два основных лирических комплекса его поэзии—инициатики против Запада и увличенные отклики на победы советского строительства.

В творчестве Антокольского тема кризиса будущей культуры, выливнутая самим обективным смыслом действительности, прошла как основная лирическая тема его художественного мировосприятия. Этому способствовало прежде всего самий аспект, под которым Антокольский мог наблюдать культурную гибель Запада—изнутри новой строящейся культуры. Особую резкость, особое своеобразие и лирическую напряженность придала этой теме в Антокольского двойственность, двуприродность его собственного художественного облика. Антокольский не принадлежит ни к тому поколению советских писателей, которое было целиком создано революцией, ни к тому поколению, которое пришло в нашу литературу из литературы дореволюционной. Его литературная личность, складывавшаяся целиком в наши дни, в литературном отношении это человек совсем новый, без «пропела», но его советское насторожение складывалось на основе большей дореволюционной культуры. В противоположность дореволюционным нашим писателям Антокольский не был в своем отношении к прошлому связан уже сложившимися языками литературной практики, уже сложившимися художественными стилем, но он был кровно связан с старой культурой, поэтому с собой эмоционально острою опустил ее судьбу. Вся культурная жизнь старой Европы искалась для него в изломах катастрофы и наломах заселки художественными всеми Антокольского беспокойными, гибельными своими образами.

И поэт об явил странный параллеским этим образам старой культуры. Республика, некогда боровшаяся с чучелами тьмы и выродившейся сейчас в такое же чучело, гигантское и безголовое; всем «толстым буржуа» современности, сквозь обычный, обычный облик которых поутягивает в них «сисиалья браж и боен; всем човечеству старого мира, искаженному последней гримасой.

Не только Запад, но и старая Россия, Россия кануна революции поворачивается к поэту смешными, и страшными своими рожами—«помешанными масками» империи, —

И ужас на клонуски жалостных Простуженных лицах.

С таким обостренным восприятием искаженности старой культуры связи весь состав, весь строй вся художественная закономерность поэтических образов Антокольского, — и прежде всего господство гротеска.

Груды и чудовища, страшные хижины—весь испытанный образный инвентарь мастеров гротеска—заполняют собой и книги Антокольского, характеризуют основной метод идеологической борьбы Антокольского со старой культурой, со всем старым миром, раскрывающийся как логическая и эстетическая дискрепация, казнь безобразием и несущим.

Некоторые критики указывают на эстетизм Антокольского и на его пристрастие к историческим стилизаци-

ям. И то и другое верно, но подобно тому, как эстетическое дискрепирование в гротеске служит у Антокольского целям идеино насыщенной сатиры, так и исторические реконструкции нужны поэту не сами по себе, а привлекаются им как показательные аргументы в страшной и жесткой тяжбе его со старой культурой. В образах прошлого поэт пытается разглядеть судьбу и смысл настоящего.

Однако гротескность всего образного мира Антокольского, как это замечено для всякого вообще стиля, в котором господствует гротеск, определяется не только свойствами восоздаваемого обекта старой культуры, потерявший всякие благообразие, сместившие в супорожий гримасе все свои пропорции, но и свойствами воссозижающего субъекта, потерявшего внутреннее равновесие. Поэтому в гротесках Антокольского мы видим не только судороги изъязвленного мира, и конвульсионную усмешку, лирическую судорогу самого поэта.

Эта двойная—и обективная и субъективная—искаженность поэтического мира Антокольского осознается самим поэтом,—вот почему и против протеста неподобия старого мира воплощается в него в образах, хотя и по-иному, но тоже нелепые: в «роман социальных яз», жизни седых малышей-лилипутов, приходит, чтобы перевернуть ее вверх дном, легендарный гигант Гулливер, «не знающийся по спискам», в жизни, которая полнается «ревом ослов и похлебкой пословиц». Приходит Дон-Кихот, если вспомнить старого милю—балаган ужасов, Гравинилья («специально для храбрых туристов»), то и Дон-Кихот тоже осужден только бараганть:

Только и есть! Балаган. Декламируй.

Верь, что она белокура. Слухай поток небывалого мира,

Старая карикатура.

О сервантовском Дон-Кихоте Антокольский говорит:

Не разберешься три века в гиганте.

Кто он—герой или автор,—

так же трудно разобраться и в Дон-Кихоте самого Антокольского. Та же судорожность и фантастичность отмечают себя и лирический образ самого автора. И противостоя уродам и чудовищам мира, поэт в самом себе, в себестоимости своей груди, обнажает в них «сисиалья браж и боен; всем човечеству старого мира, искаженному последней гримасой.

Не только Запад, но и старая Россия, Россия кануна революции поворачивается к поэту смешными, и страшными своими рожами—«помешанными масками» империи, —

И ужас на клонуски жалостных Простуженных лицах.

С таким обостренным восприятием искаженности старой культуры связи весь состав, весь строй вся художественная закономерность поэтических образов Антокольского, — и прежде всего господство гротеска.

Груды и чудовища, страшные хижины—весь испытанный образный инвентарь мастеров гротеска—заполняют собой и книги Антокольского, характеризуют основной метод идеологической борьбы Антокольского со старой культурой, со всем старым миром, раскрывающийся как логическая и эстетическая дискрепация, казнь безобразием и несущим.

Некоторые критики указывают на эстетизм Антокольского и на его пристрастие к историческим стилизаци-

ям. И то и другое верно, но подобно тому, как эстетическое дискрепирование в гротеске служит у Антокольского целям идеино насыщенной сатиры, так и исторические реконструкции нужны поэту не сами по себе, а привлекаются им как показательные аргументы в страшной и жесткой тяжбе его со старой культурой. В образах прошлого поэт пытается разглядеть судьбу и смысл настоящего.

Однако гротескность всего образного мира Антокольского, как это замечено для всякого вообще стиля, в котором господствует гротеск, определяется не только свойствами восоздаваемого обекта старой культуры, потерявший всякие благообразие, сместившие в супорожий гримасе все свои пропорции, но и свойствами воссозижающего субъекта, потерявшего внутреннее равновесие. Поэтому в гротесках Антокольского мы видим не только судороги изъязвленного мира, и конвульсионную усмешку, лирическую судорогу самого поэта.

Эта двойная—и обективная и субъективная—искаженность поэтического мира Антокольского осознается самим поэтом,—вот почему и против протеста неподобия старого мира воплощается в него в образах, хотя и по-иному, но тоже нелепые: в «роман социальных яз», жизни седых малышей-лилипутов, приходит, чтобы перевернуть ее вверх дном, легендарный гигант Гулливер, «не знающийся по спискам», в жизни, которая полнается «ревом ослов и похлебкой пословиц». Приходит Дон-Кихот, если вспомнить старого милю—балаган ужасов, Гравинилья («специально для храбрых туристов»), то и Дон-Кихот тоже осужден только бараганть:

Только и есть! Балаган. Декламируй.

Верь, что она белокура. Слухай поток небывалого мира,

Старая карикатура.

О сервантовском Дон-Кихоте Антокольский говорит:

Не разберешься три века в гиганте.

Кто он—герой или автор,—

так же трудно разобраться и в Дон-Кихоте самого Антокольского. Та же судорожность и фантастичность отмечают себя и лирический образ самого автора. И противостоя уродам и чудовищам мира, поэт в самом себе, в себестоимости своей груди, обнажает в них «сисиалья браж и боен; всем човечеству старого мира, искаженному последней гримасой.

Не только Запад, но и старая Россия, Россия кануна революции поворачивается к поэту смешными, и страшными своими рожами—«помешанными масками» империи, —

И ужас на клонуски жалостных Простуженных лицах.

С таким обостренным восприятием искаженности старой культуры связи весь состав, весь строй вся художественная закономерность поэтических образов Антокольского, — и прежде всего господство гротеска.

Груды и чудовища, страшные хижины—весь испытанный образный инвентарь мастеров гротеска—заполняют собой и книги Антокольского, характеризуют основной метод идеологической борьбы Антокольского со старой культурой, со всем старым миром, раскрывающийся как логическая и эстетическая дискрепация, казнь безобразием и несущим.

Некоторые критики указывают на эстетизм Антокольского и на его пристрастие к историческим стилизаци-

ям. И то и другое верно, но подобно тому, как эстетическое дискрепирование в гротеске служит у Антокольского целям идеино насыщенной сатиры, так и исторические реконструкции нужны поэту не сами по себе, а привлекаются им как показательные аргументы в страшной и жесткой тяжбе его со старой культурой. В образах прошлого поэт пытается разглядеть судьбу и смысл настоящего.

Однако гротескность всего образного мира Антокольского, как это замечено для всякого вообще стиля, в котором господствует гротеск, определяется не только свойствами восоздаваемого обекта старой культуры, потерявший всякие благообразие, сместившие в супорожий гримасе все свои пропорции, но и свойствами воссозижающего субъекта, потерявшего внутреннее равновесие. Поэтому в гротесках Антокольского мы видим не только судороги изъязвленного мира, и конвульсионную усмешку, лирическую судорогу самого поэта.

Эта двойная—и обективная и субъективная—искаженность поэтического мира Антокольского осознается самим поэтом,—вот почему и против протеста неподобия старого мира воплощается в него в образах, хотя и по-иному, но тоже нелепые: в «роман социальных яз», жизни седых малышей-лилипутов, приходит, чтобы перевернуть ее вверх дном, легендарный гигант Гулливер, «не знающийся по спискам», в жизни, которая полнается «ревом ослов и похлебкой пословиц». Приходит Дон-Кихот, если вспомнить старого милю—балаган ужасов, Гравинилья («специально для храбрых туристов»), то и Дон-Кихот тоже осужден только бараганть:

Только и есть! Балаган. Декламируй.

Верь, что она белокура. Слухай поток небывалого мира,

Старая карикатура.

О сервантовском Дон-Кихоте Антокольский говорит:

Не разберешься три века в гиганте.

Кто он—герой или автор,—

так же трудно разобраться и в Дон-Кихоте самого Антокольского. Та же судорожность и фантастичность отмечают себя и лирический образ самого автора. И противостоя уродам и чудовищам мира, поэт в самом себе, в себестоимости своей груди, обнажает в них «сисиалья браж и боен; всем човечеству старого мира, искаженному последней гримасой.

Не только Запад, но и старая Россия, Россия кануна революции поворачивается к поэту смешными, и страшными своими рожами—«помешанными масками» империи, —

И ужас на клонуски жалостных Простуженных лицах.

С таким обостренным восприятием искаженности старой культуры связи весь состав, весь строй вся художественная закономерность поэтических образов Антокольского, — и прежде всего господство гротеска.

Груды и чудовища, страшные хижины—весь испытанный образный инвентарь мастеров гротеска—заполняют собой и книги Антокольского, характеризуют основной метод идеологической борьбы Антокольского со старой культурой, со всем старым миром, раскрывающийся как логическая и эстетическая дискрепация, казнь безобразием и несущим.

Некоторые критики указывают на эстетизм Антокольского и на его пристрастие к историческим стилизаци-

ям. И то и другое верно, но подобно тому, как эстетическое дискрепирование в гротеске служит у Антокольского целям идеино насыщенной сатиры, так и исторические реконструкции нужны поэту не сами по себе, а привлекаются им как показательные аргументы в страшной и жесткой тяжбе его со старой культурой. В образах прошлого поэт пытается разглядеть судьбу и смысл настоящего.

Однако гротескность всего образного мира Антокольского, как это замечено для всякого вообще стиля, в котором господствует гротеск, определяется не только свойствами восоздаваемого обекта старой культуры, потерявший всякие благообразие, сместившие в супорожий гримасе все свои пропорции, но и свойствами воссозижающего субъекта, потерявшего внутреннее равновесие. Поэтому в гротесках Антокольского мы видим не только судороги изъязвленного мира, и конвульсионную усмешку, лирическую судорогу самого поэта.

Эта двойная—и обективная и субъективная—искаженность поэтического мира Антокольского осознается самим поэтом,—вот почему и против протеста неподобия старого мира воплощается в него в образах, хотя и по-иному, но тоже нелепые: в «роман социальных яз», жизни седых малышей-лилипутов, приходит, чтобы перевернуть ее вверх дном, легендарный гигант Гулливер, «не знающийся по спискам», в жизни, которая полнается «ревом ослов и похлебкой пословиц». Приходит Дон-Кихот, если вспомнить старого милю—балаган ужасов, Гравинилья («специально для храбрых туристов»), то и Дон-Кихот тоже осужден только бараганть:

Только и есть! Балаган. Декламируй.

Верь, что она белокура. Слухай поток небывалого мира,

Старая карикатура.

О сервантовском Дон-Кихоте Антокольский говорит:

Не разберешься три века в гиганте.

Кто он—герой или автор,—

так же трудно разобраться и в Дон-Кихоте самого Антокольского. Та же судорожность и фантастичность отмечают себя и лирический образ самого автора. И противостоя уродам и чудовищам мира, поэт в самом себе, в себестоимости своей груди, обнажает в них «сисиалья браж и боен; всем човечеству старого мира, искаженному последней гримасой.

Не только Запад, но и старая Россия, Россия кануна революции поворачивается к поэту смешными, и страшными своими рожами—«помешанными масками» империи, —

И ужас на клонуски жалостных Простуженных лицах.

С таким обостренным восприятием искаженности старой культуры связи весь состав, весь строй вся художественная закономерность поэтических образов Антокольского, — и прежде всего господство гротеска.

Груды и чудовища, страшные хижины—весь испытанный образный инвентарь мастеров гротеска—заполняют собой и книги Антокольского, характеризуют основной метод идеологической борьбы Антокольского со старой культурой, со всем старым миром, раскрывающийся как логическая и эстетическая дискрепация, казнь безобразием и несущим.

Некоторые критики указывают на эстетизм Антокольского и на его пристрастие к историческим стилизаци-

ям. И то и другое верно, но подобно тому, как эстетическое дискрепирование в гротеске служит у Антокольского целям идеино насыщенной сатиры, так и исторические реконструкции нужны поэту не сами по себе, а привлекаются им как показательные аргументы в страшной и жесткой тяжбе его со старой культурой. В образах прошлого поэт пытается разглядеть судьбу и смысл настоящего.

Однако гротескность всего образного мира Антокольского, как это замечено для всякого вообще стиля, в котором господствует гротеск, определяется не только свойствами восоздаваемого обекта старой культуры, потерявший всякие благообразие, сместившие в супорожий гримасе все свои пропорции, но и свойствами воссозижающего субъекта, потерявшего внутреннее равновесие. Поэтому в гротесках Антокольского мы видим не только судороги изъязвленного мира, и конвульсионную усмешку, лирическую судорогу самого поэта.

АТТА ТРОЛЬ
В КОРИЧНЕВОЙ
РУБАШКЕ

(«Плохо танцевал, но веру
В самого себя имел.
Никогда вонял нарядно;
Не талант, зато характер.
Гейне, «Атта Троль».)

Недавно в Эрфурте состоялась конференция германских драматургов. Драматурги съехались со всех концов Германии. Конференции почтили своим присутствием Дитценшмидт, Клер, Бейер, Шармы, Блэйз, Цвель, Липпенфельд. Помимо известных главным образом тем, что о них ничего не известно.

Веймарская республика, видите ли, «изделила» эти национальные таланты. Она лишила их возможности писать хорошие пьесы. Это из-за веймарской системы собравшейся в Эрфурте корыстных нулей не могли показать творца лицом и создать до сих пор произведений, достойных величия «национальной революции». Поэтому в Эрфурте предуморотительно говорили о германской «драме будущего».

Хотя в Эрфурте и больше всего шла речь о фашистской драматургии будущего, выступления на конференции как нельзя лучше характеризуют сегодняшний уровень коричневой литературы.

По единодушному мнению фашистских драматургов, литературное наследие прошлого может лишь в самой минимальной степени быть использовано для создания литературы «продвинувшей Германию». Согласно докладчику Паулю Бейеру, пагубное влияние на германскую драматургию имело уже драматургия Лессинга, явившегося не кем иным, как «ярко выраженным либералом, от которого ни холода, ни жаркого». Националисты, несмотря на приобщение своего корифея Гауффмана «к третьей империи», не героями. Экспрессионисты, несмотря на присоединение Гофрида Бенни к фашистскому обозу, либо культур-большевики, либо националки в смысле чистоты арийского происхождения, а также бабушки.

Выход? Фашистская драматургия должна плюнуть на всякие литературные наследства и создаваться совершенно заново. Масштаб задачи несколько не смущает литературных гигантов фашизма.

«Ибо, как глубокомысленный изрек Дитценшмидт, когда бог создавал все-лишнее, он также был одинок. Только в этом одиночестве, когда ноги упираются в ничто, а хоб погружен в ход вечных звезд, танцует первая творческая сила».

Работают «под боязнь» — вообще парижские пастухи. Таланты богам фашистской драматургии во всяком случае не требуются. Как авторитетно разъясняет Пауль Бейер, «из наших кровей должна родиться новая драма... Дорогими — это ересь. Все остальное сводится к тому, чтобы избить руку, а этого можно достичь, после первых же трех неудачных драм».

Бесконечно о том, что фашистский драматург может оказаться, как Бог, во всех отношениях в единственном числе и очутиться в роли единственного артиста в театре при постановке своей пьесы, не приходит.

В «третьей империи» все тщательно предусмотрено до мелочей деталей. Фашистские бездарности будут отрывать бездарные пьесы, артисты будут их безоронгенно играть, а штурмовики в порядке военной дисциплины посыпать. У фашистского искусства есть отдуха чернать кудри. Это, — заявляют в Эрфурте «имперский драматург» Райнер Шлессер, — «батальонные расы и послушания, из рядов которых в будущем должны выйти как писатели и артисты, так и публика».

Итак, Атта Троль имеет все шансы преуспеть в «третьей империи». Он может плохо писать, дурно пахнуть и не иметь таланта. Главное — носить коричневую форму и обладать характером готового на все солдата фашистских «батальонов послушания».

Говоря по правде, положение русского литератора нельзя назвать ни блестящим, ни даже благоприятным. Напротив того, это одна из самых непрочных, воздушных и изменчивых профессий, какие только существуют на свете. Единственный самый обыкновенный ремесленник сознает, что он делает нечто положительное; русский литератор как будто тем одним озабочен, как бы оставаться в живых. А затем уже и тем, как между странами что-нибудь шепнути. Существует, правда, три-четыре личности, которые стоят особняком, всеми признанные, всеми одинаково честные, но это уж как сказать идолы. А большинству живется ужасно скверно, и не столько в материальном смысле, сколько в правственном. Именно в последнем по преимуществу!

Разумеется, я говорю о литераторах, обещенных и честных, а не о тех, которые понаполам в литературу из ретиральных мест и с подымом сердца в груди и блаженством в руках прихвастились в ней. Этим всегда живлось, живется и будет жить отечество.

И это воздушное живое повесилось лишь с недавнего времени, именно с тех пор, как литература, повидимому, сделалась в полном смысле слова настоящейнейшей потребностью общества, когда она начала постепенно проникать в массы. Казалось бы, что тут-то и масленица русской литературе, сумевшей пропасти дышать в хижину белуду, бояром хранимой, это видно было из глазниц. Читают ли его в хижине, бояром хранимой, этого потому, если некоторые из Ломоноса

УММИКА — БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

Акт IV

Картина 7

(Кападский барах. Малиша играет на гитаре. Бокова жарит на примусе личинку. Кайгуа топит печь. Нина, лежа на кровати, шепчет себе по лицу, делая массаж.)

Нина: «Гранд-Отель»
«Гранд-Отель»
«Гранд-Отель»
«Гранд-Отель»

Бокова (ей в то): «Большая Московская», «Националь», «Бристоль», «Берсаль»...

Нина: Ах, Ольга, ты же видишь, я делаю массаж.

Ты меня сбиваешь с ритма. Малиша: Полумашь — «ударница».

Малиша: Назык-то смажь.

Малиша (смеясь): Ну, и зла баба.

Бонова: Братва.

Нина: «Гранд-Отель»

«Гранд-Отель»

«Гранд-Отель»

Малиша (напевает, подыгрывая на гитаре):

Мне надо путь гороху,

Мне б оху горошину, —

Мне б не надо много девок,

Мне б оху хорошую.

(Смотрит на Нину.)

Гляди, как шепает.

Бонова: Главное, метко.

Малиша (смеясь): Без промаха.

И этак часов по шести.

Нина (вскакивая):

Ты ничего не понимаешь, дура-самоедка.

У тебя, наверное, ноги в широте.

Нет, ты погляди, погляди-ка,

Ольга:

Ведь недурна?

Бонова: Недурна.

Нина: Особенно правая сторона.

Ну, а веснушек сколько?

А разве можно носить такую глупую чешую?

Иметь такой жирный нос?

Можно быть умной, как Наркомпрос.

Но к чему походить на телку?

Впрочем, бросим это дуль.

Я никого не неволю.

Малиша: А сейчас она будет тревожить волю.

Нина: Да-да. Волю-волю.

Бонова: Не по способу Бузль?

Нина (снова ложится, вытягивает руки вдоль тела, говорит сама себе про себя):

Чувствую себя хорошо.

Чувствую себя хорошо.

Ты совсем неразражителна.

Ты совсем неразражителна.

Муж тебя любит,

Холит-голубит.

И все это знают. Знают,

наверно.

Я в этом уверена. Я в этом уверена.

Я не ревную мужа. Ревность —

позор.

Я стильная. Я не самка.

У меня царственная осанка

И королевский взор.

Я красавица.

Я счастливая.

Мне хорошо. Мне хорошо.

Целоваться нализу.

Целоваться нализу.

(Нина встает и садится со всеми за личинку.)

Нина (Малиша):

Я должна сказать тебе,

милочка моя-с,

Что в жизни... Жизнь — это

тонкая птица.

Тут ничего не дается без стула.

Ничего не достигнешь, смеш.

Ты кто? Ты баба. Баба.

Иисуса —

Иисус

